

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ГРУЗДЕВА

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Архива Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: elgru@rambler.ru

К истории академических выборов 1929–1930 гг. (по наукам историческим)

УДК: 001.32(09)

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-68-79

В статье рассматриваются события 1929–1930 гг., относящиеся к очередной выборной кампании в Академии наук СССР. По архивным документам прослеживается выдвижение кандидатов на академические кафедры по историческим наукам (русской истории и византиноведения). В соответствии с новыми правилами проведения выборов, утвержденными в 1927 г., предлагать имена достойных ученых могли не только академики, но также иные лица, учреждения и организации. Потому особый интерес представляет анализ и выдвинутых кандидатов, и их групп поддержки. Переписка академиков позволяет проследить их позицию и участие в выборной кампании. Развитие событий на фоне развернувшейся в 1929 г. в Академии наук «чистки» аппарата и работы специальной следственной комиссии подводит к выводам о том, что результаты выборов в партийно-правительственных кругах были спланированы заранее, а сама выборная кампания позволила еще раз указать место не желавшей покоряться Академии наук, продемонстрировать ее бессилие перед государственной машиной.

Ключевые слова: история науки, Академия наук СССР, выборная кампания, советизация науки.

Когда говорят о выборах в Академии наук, происходивших в 1929 г., в первую очередь на память приходит та скандальная кампания 1928–1929 гг., которая закончилась переизбранием трех забаллотированных кандидатов-коммунистов. Об этом сюжете написано уже немало (см., например: [Есаков, 1971; Кольцов, 1990; «Наше положение...», 1996; Ананьев, Бухарин, 2021; и др.]), и мы здесь будем говорить не о нем.

Едва в феврале 1929 г. завершились выборы 42 новых академиков, как началась подготовка следующей избирательной кампании. Еще в конце 1928 г. в силу естественных причин в АН СССР стали появляться вакансии и было ясно, что в скором

времени возникнет вопрос об их замещении. И вот 15 мая 1929 г. в газете «Известия» от имени неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга было опубликовано объявление о вакантных кафедрах в Академии наук, освободившихся в связи со смертью ее действительных членов. Всего вакансий было четыре¹, но нас будут интересовать только кафедры по истории, а их было две, так как за осень 1928 и весну 1929 г. умерли византинист Ф.И. Успенский и русский историк М.М. Богословский.

Итак, в Академии наук началась новая выборная кампания.

Проводилась она по правилам, зафиксированным в Уставе АН СССР 1927 г. Напомним кратко основные положения. После публикации объявления об открывшейся вакансии в течение двух месяцев принимаются мотивированные записки с предложением к избранию кандидатов. Причем подать такую записку имеют право не только академики, как это было ранее, но также ученые-неакадемики, группы ученых, научные учреждения и даже общественные организации. Через два месяца имена кандидатов публикуются в печати «для отзыва о них со стороны учреждений, организаций и лиц». Еще через два месяца Президиум АН создает особую комиссию из членов Академии и представителей ученых учреждений союзных республик, которая за две недели должна составить заключение обо всех предложенных кандидатах, указав тех, «которых она найдет достойными избрания». Затем в отделениях Академии производится баллотировка представленных комиссией кандидатов, а в одном из ближайших заседаний Общего собрания — повторная баллотировка, утверждающая избрание. Для победы кандидат должен был набрать не менее двух третей общего числа голосов [*Уставы...*, 2009, с. 145–146].

Демократические правила, привлекавшие широкие слои научной внеакадемической общественности, значительно сужали возможности академиков самим избирать себе сочленов, ибо общественные кандидаты, если особая комиссия «сочтет их достойными избрания», могли, дойдя до баллотировки, оттеснить академических кандидатов и занять вакантные кресла.

По традиции новый академик должен был заступить на место выбывшего, сохраняя его специальность; таким образом, в 1929 г. кандидатов следовало выдвигать из византинистов и русских историков. Однако еще с 1927 г. историк-марксист М.Н. Покровский поднимал вопрос о необходимости открыть в АН СССР еще одну кафедру — истории социализма, лучшим кандидатом на которую считал коммуниста В.П. Волгина [*Лагно*, 2010, с. 133–134]. Он повторил это свое предложение и перед новыми выборами в апреле 1929 г. Отделение гуманитарных наук согласилось «иметь в виду» предложение М.Н. Покровского, но пока просило объявить две вакансии².

Предложение иметь академика — специалиста по истории социализма, по-видимому, разделялось в партийно-правительственных кругах, проводивших политику советизации Академии. Было одобрено и выдвижение В.П. Волгина. Управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов 5 июля 1929 г. на заседании Политбюро ВКП(б) докладывал, что на новые выборы с коммунистической фракцией академиков были согласованы две кандидатуры историков: 1) коммунист В.П. Волгин — его фигуру при обсуждении сочли «сравнительно академичной», то есть такой, которая

¹ В объявлении были названы вакансии по химии, биологии и две по истории.

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 2 (1929). Д. 8. Л. 29. — Выписка из Протокола ОГН от 23 апреля 1929 г.

не вызовет резких возражений, и 2) член-корреспондент Академии арабист и византист А.А. Васильев. Он не был коммунистом и даже сочувствующим, но поскольку после ареста в 1928 г. В.Н. Бенешевича других сильных византистов в СССР не было, фракция решила не возражать, если Академия выставит А.А. Васильева своим кандидатом [*Академия наук в решениях...*, 2000, с. 66].

Срок приема заявлений на выдвижение кандидатов заканчивался 14 июля 1929 г. В первой половине июля в Президиум АН поступали десятки писем. Очень организованно шло выдвижение историка социализма В.П. Волгина. В его поддержку были приняты и зарегистрированы обращения от правлений 1-го и 2-го Московского государственного университета, Ленинградского государственного университета, Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена, Государственного института научной педагогики, от Президиума Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), от Исторического отделения Института красной профессуры и от Центрального бюро секций научных работников ЦеКУБУ³ — всего восемь организаций. Причем руководители объявляли поддержку кандидату от имени всех сотрудников своих учреждений.

При обсуждении вопроса о замещении кафедры византистики в академических кругах первой называли кандидатуру А.А. Васильева (с которой соглашалась и фракция коммунистов). В.П. Бузескул видел в нем «единственную возможную фигуру для выдвижения»⁴, эту точку зрения разделяли востоковеды, соглашался и С.Ф. Платонов, исполнявший летом 1929 г. обязанности неперменного секретаря АН и державший в руках все нити выборной кампании. По его просьбе С.А. Жебелев составил записку о научных трудах А.А. Васильева, которую подписали также И.Ю. Крачковский и В.П. Бузескул⁵. Однако у всех это выдвижение вызывало некоторое беспокойство. Во-первых, А.А. Васильев с 1925 г. жил за границей, сначала находясь в научной командировке, а после ее окончания летом 1928 г. ссылаясь на незавершенные дела. Он оставался членом Академии наук и поддерживал с ней связь, предполагая в будущем вернуться в Россию, но в условиях давления на Академию (напомним, что летом 1929 г. началась известная «чистка» аппарата АН) кандидатура «невозвращенца» могла быть объявлена «нежелательной». Во-вторых, по правилам выборов, кандидат должен был заявить о своем согласии баллотироваться, а А.А. Васильев не отвечал на отправленные ему письма⁶.

В.П. Бузескул писал из Харькова: «Я по-прежнему держусь того мнения, что нельзя эту отрасль (византистику. — *Прим. Е.Г.*), после достигнутых в ней русской наукой успехов, предавать полному забвению. <...> Я полагаю, что в случае отказа А.А. Васильева <...> следовало бы снова попытаться выдвинуть Д.В. Айналова, уже

³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 63–64, 69–70, 82, 84, 92–98. — Письма о выдвижении и поддержке В.П. Волгина.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (Платонов). Д. 2403. Л. 33. — Письмо В.П. Бузескула С.Ф. Платонову от 28 мая 1929 г.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 42–45. — Записка о А.А. Васильеве от «группы действительных членов АН СССР» и список его трудов.

⁶ А.А. Васильев, не подозревавший о том, что оказался участником академических выборов, летом 1929 г. отправился в длительное турне по Америке и смог прочесть накопившиеся письма только по возвращении в Мэдисон в конце августа.

не как представителя истории искусства, а как византиниста. Я в крайности не возражал бы даже и против кандидатуры Ф.И. Шмита»⁷.

Оба названных историка, Д.В. Айналов и Ф.И. Шмит, также вошли в список кандидатов. Однако Д.В. Айналов, не прошедший на предыдущих выборах (об этом см.: [Ананьев, Бухарин, 2020]), опять рекомендовался к избранию как историк искусства и материальной культуры. Представление было подано от группы московских ученых — историков искусства и музейных деятелей — и подписано 11-ю фамилиями⁸. Несмотря на настойчивые предложения В.П. Бузескула рекомендовать Д.В. Айналова в качестве византиниста (см.: [Анфертьева, 1995, с. 285]), академики его на эту кафедру не выдвинули и даже не поддержали как искусствоведа — возможно, потому, что знали о неприятии его кандидатуры С.Ф. Платоновым⁹.

Другой же упомянутый В.П. Бузескулом возможный кандидат выдвигался именно на кафедру византиноведения. Ф.И. Шмит был ставленником научной ответственности Украины и главным образом Харькова: под заявлениями в его поддержку стояли подписи сотрудников секций научно-исследовательской кафедры искусствоведения при Всеукраинской Академии наук и трех харьковских музеев: Художественно-исторического, Археологического и Музея украинского искусства — всего 20 фамилий¹⁰. В 1901–1912 гг. Ф.И. Шмит сотрудничал с Русским археологическим институтом в Константинополе и занимался исследованием византийской архитектуры, мозаик и фресок, издав несколько работ. Затем он был профессором Харьковского университета по кафедре теории и истории искусств, после установления советской власти на Украине принимал активное участие в охране памятников искусства и старины, много сотрудничал с музеями. В Петрограде с 1924 г. возглавлял Институт истории искусств¹¹. Известно, что рекомендацию своей кандидатуры на кафедру византистики Ф.И. Шмит организовал сам (см.: [Басаргина, 1999, с. 488; Ананьев, Бухарин, 2022, с. 290–293; 558–562]), но все формальности представления были соблюдены, и он оказался конкурентом А.А. Васильева.

Причем не единственным конкурентом.

Московские историки, поддержав предложение С.Ф. Платонова, выдвинули в качестве еще одного кандидата-византиниста своего коллегу — медиевиста, в прошлом профессора Московского университета, а с 1920 г. заместителя директора Государственной библиотеки им. Ленина Д.Н. Егорова. В представлении москвичи признавали, что их кандидат не византинист, но поясняли, что «не имея возможности в настоящее время рекомендовать для замещения вакантной кафедры истории

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 28–28 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 21 мая 1929 г.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 67–68. — Записка о Д.В. Айналове 1929 г.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 35. Л. 8. — Письмо С.А. Жебелева Э.Л. Радлову от 17 октября 1928 г.; СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 32 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 6 июня 1929 г.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 26–33. — Записки о Ф.И. Шмите и список его печатных трудов.

¹¹ Любопытно отметить заявление в поддержку кандидата, поступившее в АН от дворцов-музеев в Петергофе, Ораниенбауме, Гатчине, Павловске и Детском Селе. Подписавшие его руководители музейных объединений рекомендовали Ф.И. Шмита как... соиздателя «новой марксистской науки об искусстве» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 77. Л. 4).

Византии лиц, специально занимающихся этою историею, но при всем том полагая, что дело академиков В.Г. Васильевского и Ф.И. Успенского должно продолжаться <...>, нижеподписавшиеся усматривают выход из создавшегося затруднения в организации работы по истории Византии в общих рамках средневековой истории, силами членов и сотрудников Академии, так или иначе соприкасающихся в своих занятиях с византийской историею»¹². Записку о Д.Н. Егорове написал М.К. Любавский, своими подписями его поддержали С.Ф. Платонов, Ю.В. Готье и С.Б. Веселовский¹³.

Если список кандидатов-византинистов на этом исчерпывался, то на вакансию по русской истории предлагались еще несколько кандидатур.

С.Ф. Платонов очень активно продвигал А.Е. Преснякова. Хотя никто не возражал и не высказывал сомнений в научных заслугах последнего, многих смущал тот факт, что историк был тяжело болен и собирался ехать за границу лечиться. Но С.Ф. Платонову удалось убедить своих коллег в том, что надо опираться не на медицинскую, а на научно-историческую экспертизу: «по существу Пресняков уже избран, а советская общественность будет только удовлетворена зачислением его в академики»¹⁴. Поданная в Академию наук записка об А.Е. Преснякове была подписана академиками С.Ф. Платоновым, М.К. Любавским, Н.П. Лихачевым и членами-корреспондентами Ю.В. Готье, Д.Н. Егоровым и С.Б. Веселовским¹⁵.

Выдвигая одновременно с А.Е. Пресняковым специалиста по социально-экономической истории С.Б. Веселовского, академики, возможно, так же как и в случае с византинистами, хотели «подстраховаться». В записке об этом ученом было сказано, что его творческая мысль «находится в своем расцвете» и еще обогатит историческую науку рядом ценных исследований, а Академия наук в его лице приобрела бы также ценного сотрудника и руководителя в работе по изданию источников поместного и вотчинного землевладения»¹⁶. Представление С.Б. Веселовского подписали академики С.Ф. Платонов, Д.М. Петрушевский, М.Н. Розанов и Н.П. Лихачев.

В то же время академик Б.П. Бузескул писал в Ленинград: «По русской истории некоторые москвичи (какой-то проф. Аркадий Петров) весьма энергично пропагандирует кандидатуру проф. Довнар-Запольского, рассылая воззвания в далекий Азербайджан (в Баку) и сюда, в Харьков»¹⁷. Доктора русской истории и специа-

¹² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 73. — Записка о Д.Н. Егорове.

¹³ В.П. Бузескул, очень переживавший за перспективы академического византиноведения, долго не знал о выдвижении Д.Н. Егорова, а потом даже считал, что С.Ф. Платонов и Е.В. Тарле «скрыли» от него эту рекомендацию, несмотря на неоднократные обращения с вопросом, кого предполагается выставить кандидатом по всеобщей истории, кроме А.А. Васильева (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 45 об.; 55 об.). В целом В.П. Бузескул одобрил московского кандидата, признав, что Д.Н. Егоров «большой знаток источников», но при этом отметил, что прочить его в председатели Русско-византийской комиссии «несколько странно» (Там же. Л. 32 об.).

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов). Д. 3434. Л. 35–35 об. — Письмо М.К. Любавского С.Ф. Платонову от 10 июля 1929 г.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 74–74 об. — Записка об А.Е. Преснякове.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 72–72 об. — Записка о С.Б. Веселовском.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 172. Л. 133 об. — Письмо В.П. Бузескула И.Ю. Крачковскому от 4 июля 1929 г.

листа по белорусской истории М.В. Довнар-Запольского в члены Академии наук рекомендовали представители научно-педагогической общественности Москвы, профессора Крымского пединститута, научные сотрудники Киевских учреждений и Всеукраинской АН, Одесского института народного образования и два белорусских историка — Е.Ф. Карский и А.И. Цвикевич, — всего в поддержку кандидата было собрано 18 подписей¹⁸. Но в Белорусской АН имелась и группа противников этого выдвижения; не поддержал его и ЦК Компартии Белоруссии, направивший в ЦК ВКП(б) свое «категорическое возражение» против кандидатуры М.В. Довнар-Запольского в Академию наук СССР [*Научно-организационные связи...*, 2015, с. 8; *Мітрафан Доўнар-Запольскі*, 2020, с. 160].

Выдвижение кандидатом известного народовольца и шлиссельбуржца Н.А. Морозова (подробнее см.: [*Шикман*, 2016, с. 139–142]) на общем фоне выглядит неожиданно и даже курьезно: представление его как «величайшего и гениальнейшего историка современности» было подписано одним именем — юриста В.Л. Блюменау¹⁹, — горячего поклонника морозовского произведения «Христос» («История человеческой культуры в естественно-научном освещении»)²⁰.

Список названных девяти кандидатов по разряду наук исторических 1 августа 1929 г. был опубликован в центральных газетах для отзывов со стороны ученых, организаций, учреждений и лиц. Подчеркнем, что из них ставленниками академиков были четверо: А.А. Васильев, Д.Н. Егоров, А.Е. Пресняков, С.Б. Веселовский. С.Ф. Платонов в одном из писем высказал мнение, что грядущая выборная сессия «будет одною из мудренейших и к ней надо подготовиться старательно»²¹, и считал, что главными фаворитами будут В.П. Волгин, А.Е. Пресняков, Д.Н. Егоров, А.А. Васильев и М.В. Довнар-Запольский. Анализируя списки кандидатов и их групп поддержки, совсем другого развития событий опасался В.П. Бузескул, писавший С.А. Жебелеву: «...теперь выйдет, вероятно, так: мы запутаемся, ни один из наших кандидатов, даже и Д.Н. Егоров, может не пройти и пройдут кандидаты по истории социализма и по белорусской истории...»²² И все же академики готовились отстаивать своих кандидатов перед натиском общественных ставленников.

Через два месяца, в октябре, должен был начаться следующий этап выборов, однако к тому времени ситуация в Академии наук несколько изменилась. Ввиду смерти троих академиков появились еще три вакансии (один геолог и два филолога). Академии грозили перманентные выборы. Тогда был разработан вариант: отложить на несколько месяцев созыв выборной комиссии по первым четырем вакансиям,

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 49–55 — Записки о М.В. Довнар-Запольском.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 76. Л. 2–2 об. — Записка В.Л. Блюменау о Н.А. Морозове.

²⁰ Это «научное исследование», написанное в Шлиссельбурге, А.В. Луначарский называл «совершенно сумасбродной вещью» и «окончательным абсурдом» [*Шикман*, 2016, с. 106–107].

²¹ См. письмо С.Ф. Платонова Д.Н. Егорову от 20 июля 1929 г., опубликованное в кн.: [*Академик С.Ф. Платонов*, 2003, с. 275].

²² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 38 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 7 июля 1929 г.

провести выдвижение претендентов на новые кафедры и уже в феврале 1930 г. рассмотреть сразу всех кандидатов²³.

В списке кандидатов по историческим наукам к началу октября тоже произошли важные изменения: А.Е. Пресняков умер, а Н.А. Морозов и А.А. Васильев сняли свои кандидатуры; таким образом, вместо девяти остались только шестеро участников выборов.

В январе начался последний этап выборной кампании. На заседании Президиума АН СССР 12 января 1930 г. был доложен предварительный состав Комиссий по выборам в действительные члены АН СССР. В каждую комиссию по специальностям должны были войти председатель, шесть академиков и шесть представителей от ученых учреждений союзных республик. В комиссию по истории были назначены: Е.В. Тарле, А.М. Деборин, В.В. Бартольд, Н.М. Лукин, М.К. Любавский и Д.Б. Рязанов. Председателем, как и во всех остальных комиссиях, назначался и. о. неперменного секретаря В.Л. Комаров²⁴. Такой состав избирательной комиссии вызвал вопросы у современников. Так, В.П. Бузескул писал С.А. Жебелеву: «...по историческим наукам ни Д.М. П[етрушевски]й, ни я не вошли. Очевидно, мы не в милости и признаны неподходящими; заменены мы философом и востоковедом — почему последним, не догадываюсь, ведь кандидатуры по Востоку в нашей группе нет»²⁵.

Уже 29 января 1930 г. на заседании Президиума В.Л. Комаров доложил о результате работы Комиссии по предварительному просмотру кандидатур в академики и о желательности проведения выборов открытой баллотировкой²⁶. Далее события развивались стремительно. На заседании Отделения гуманитарных наук 30 января и. о. неперменного секретаря В.Л. Комаров сообщил, что по Отделению были назначены к избранию всего две кандидатуры, причем на историческую кафедру только одна из них — В.П. Волгина на место русского историка; вторым гуманитарием стал претендент на место филолога-слависта А.И. Соболевского А.В. Луначарский. Заседание постановило: «...принять кандидатуры А.В. Луначарского и В.П. Волгина и в следующем заседании произвести баллотировку кандидатов»²⁷. Следующее заседание состоялось... 31 января 1930 г., то есть на следующий день. Баллотировка двух

²³ Против этого предложения Академии Отдел научных учреждений Совнаркома не возражал и выборы были отложены (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1929). Д. 8. Л. 23 об., 25–27. — Протокольные бумаги Общего собрания АН СССР от 30 октября 1929 г.).

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 139. Л. 2. — Протокол заседания Президиума от 12 января 1930 г.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 166. Л. 3 об. — Письмо В.П. Бузескула С.А. Жебелеву от 25 января 1930 г. В.П. Бузескул по состоянию здоровья не мог приехать на выборы и признавал: «...невключение меня в комиссию обрадовало и облегчило мою совесть, иначе я мучился бы при мысли, что я не исполняю своего долга там, где центр тяжести выборов, хотя, конечно, участие было бы бесполезно» (Там же).

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 139. Л. 7. — Протокол заседания Президиума от 29 января 1930 г. — В условиях «чистки» АН и начавшихся арестов требование открытого голосования было явным проявлением давления на академиков.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 6. — Протокол заседания ОГН от 30 января 1930 г.

кандидатур была проведена в присутствии 22 академиков. Оба кандидата получили по 21 голосу при одном воздержавшемся²⁸.

В тот же день, 31 января, состоялось и заседание Общего собрания АН, на котором «и. о. НС ак. Комаров сделал заявление о последовавших в заседаниях <...> ОГН избраниях в действительные члены АН <...> по кафедре истории — В.П. Волгина и по кафедре языков и литературы европейских народов — А.В. Луначарского <...> Постановлено: <...> баллотирование лиц, избранных в <...> ОГН, произвести в следующем заседании ОС...»²⁹ (подчеркнуто мною. — *Прим. Е.Г.*). Следующее заседание Общего собрания тоже не стали откладывать и провели также на следующий день, 1 февраля 1930 г. В протоколе о выборах читаем: «Согласно постановлению ОС (1 — 31/1 — [19]30 г.) произведено баллотирование в действительные члены <...> Присутствовало всего 52 избирателя. Число голосов 52, а законное большинство составляло 35 голосов. По произведенной баллотировке оказалось, что <...> В.П. Волгин соединил в свою пользу 43 избирательных [голоса], против 3 неизбирательных, при 6 воздержавшихся...»³⁰ Об избрании всех намеченных избирательными комиссиями кандидатов было доложено на Торжественном годовом собрании Академии наук 2 февраля 1930 г.³¹ По итогу вместо семи кандидатов в академики были избраны только трое: историк В.П. Волгин, филолог А.В. Луначарский и химик Л.В. Писаржевский; остальные кафедры остались свободными.

Таким образом заключительный этап выборов свернулся в три дня. Не вызывает сомнения то, что баллотировки по всем наукам носили формальный характер. Мало того, что избирательными комиссиями были признаны «недостойными избрания» все кандидаты, выдвинутые академиками, были удовлетворены только три вакансии из семи, никаких альтернативных кандидатур на последнем этапе баллотировки просто не было. Фактически все было решено еще до голосований. Дальнейшее соблюдение протокола выборов превратилось в фарс.

Понятно, что надежный идеологически выдержанный историк-марксист В.П. Волгин с самого начала шел «вне конкурса». О том, что его победа была спланирована и предрешена партийно-правительственной верхушкой, свидетельствуют и опубликованные документы³², и информационная поддержка в центральной прессе в ходе предвыборной кампании (например, газета «Известия» накануне решающих выборов напечатала представления В.П. Волгина и А.В. Луначарского, а также отзывы академиков, единодушно поддерживающих «выдающегося историка» В.П. Волгина). Все остальные кандидаты по историческим наукам стали лишь

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 16 об. — Протокол заседания ОГН от 31 января 1930 г.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254. Л. 3–3 об. — Протокол заседания Общего собрания от 31 января 1930 г., § 6.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254. Л. 6. — Протокол заседания Общего собрания от 1 февраля 1930 г., § 17.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 159. Л. 45. — Стенографический отчет Торжественного заседания АН СССР от 2 февраля 1930 г.

³² Осенью 1929 г. при определении «путей дальнейшего реформирования Академии наук» В.П. Волгин уже однозначно рассматривался как будущий непреходящий секретарь и член Президиума АН [*Академия наук в решениях...*, 2000, с. 81].

массовкой, призванной демонстрировать демократический характер выборов, и в решающий момент им всем отказали в баллотировке без объяснения причин.

В 1928 г. государством было санкционировано беспрецедентное увеличение количества академических кресел, чтобы их заняли нужные партии и правительству ученые-коммунисты. Внутри Академии наук не все с этим согласились и попытались провести выборы по традиционным правилам. Однако трех забаллотированных академиками коммунистов все же пришлось переизбрать. Этот «урок» как раз и закрепляли следующие выборы, наглядно демонстрируя, что даже в вопросе пополнения штата Академии решение принимает не она, а правительство. Для лучшего усвоения «урока» фоном выборной кампании стала начавшаяся летом 1929 г. проверка АН.

Происходившие во второй половине 1929 г. события — «чистка» в Академии наук, обнаружение правительственной комиссией «незаконно хранившихся политических документов», якобы скрывавшихся от советской власти, обвинения видных членов и сотрудников АН в контрреволюционной деятельности (об этом, например: [Перченко, 1991а, с. 98–99; 1991б, с. 203–208; Академия наук в решениях..., 2000, с. 80–90]) — держали в напряжении весь аппарат Академии³³. Это была прелюдия к «Академическому делу». Ноябрь 1929 г. ознаменовался началом работы специальной следственной комиссии и первыми арестами. В январе 1930 г. дошла очередь до академиков: 12 января был арестован С.Ф. Платонов, а перед самыми баллотировками, 28 января, — Е.В. Тарле и Н.П. Лихачев [Ананьич и др., 1993, с. XXVI–XXXIV]. Все это не могло не сказаться на моральном состоянии их коллег. Они без сопротивления приняли в свои ряды навязанных им кандидатов.

Сценарий, по которому шла выборная кампания 1929–1930 гг., во многом похож на предыдущие выборы, но власти уже не допускали прежних ошибок, действовали решительнее, жестче проводили свою линию и не гнушались никакими методами. Надежда академиков старой школы на возможность договориться с государством о нейтралитете не оправдалась. Начавшееся «Академическое дело», последовавшее за ним «Дело славистов» и другие подобные «дела» должны были ускорить и завершить намеченные правительством кардинальный пересмотр и замену «людского состава», а затем и переформатирование самой Академии наук.

Важными звеньями в этой цепочке советизации были и академические выборы.

Источники

Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. Т. I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. 388 с.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / [Т. 1] 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР: 1929–1941 гг.: сборник документов / Сост. Л.Д. Бондарь, Н.В. Токарев, К.Г. Шишкина. Минск: Белорусская наука, 2015. 247 с.

«Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 109–140.

³³ В результате «чистки» только 3 декабря 1929 г. из АН были уволены 522 сотрудника, а всего был изгнан 781 человек [Брачев, 1990, с. 126].

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (Платонов). Д. 2403, 3434.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 254, 256.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1929). Д. 8, 76, 77.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 139, 159.

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165, 166.

СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 172.

СПбФ АРАН. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 35.

Уставы Российской академии наук. 1724–2009. М.: Наука, 2009. 367 с.

Литература

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Необходим археолог или историк искусства»: Д.В. Айналов на выборах в АН СССР в 1928 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. № 5. С. 48–64.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Академическая наука и власть на выборах в АН СССР 1928–1929 гг. // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 4. С. 380–386.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...». Советская историческая наука и музейное строительство в 1917–1941 годах (исследования и документы). М.: Индрик, 2022. 768 с.

Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: БАН, 1993. С. V–LXXIV.

Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Ред. И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 259–312.

Басаргина Е.Ю. Ф.И. Шмит: материалы к биографии // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Ред. И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 478–496.

Брачев В.С. Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 4. С. 120–127.

Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. 271 с.

Кольцов А.В. Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53–66.

Лазно А.Р. Вячеслав Петрович Волгин. М.: МГУ, 2012. 248 с.

Мітрафан Доўнар-Запольскі (1868–1934 гг.): асоба ў дакументах і ўспамінах / Укл.: В.М. Мятліцкая. Мінск: Лімарыус, 2020. 488 с.

Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991а. № 4. С. 96–104.

Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс, Феникс, Atheneum, 1991b. С. 163–238.

Шикман А.П. Николай Морозов. Мистификация длиною в век. М.: Весь Мир, 2016. 288 с.

About the Election to the Academy of Sciences in 1929–1930 (for the History Studies)

ELENA N. GRUZDEVA

Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia
e-mail: elgru@rambler.ru

The article reveals the events of 1929–1930 that relate directly to the regular election to the Academy of Sciences of the USSR. The archival documents reflect the campaign for the academical nominations for the chairs of History studies (Russian History and Byzantine studies). In accordance with the new election terms, which had been approved in 1927, not only academicians, but any other person, an institution or an organization could nominate worthy candidates. Therefore, the analysis of the candidates as well as their supporters seems to be of considerable interest. The correspondence between academicians enables us to trace their opinions and participation in the election campaign. It was taking place against a background of increasing purges of the staff members of the Academy of Sciences, while a special commission of inquiry would conduct the investigation into the “Academy case” in 1929. Therefore, the election results could be pre-designed by the Soviet authorities, and the campaign itself appeared to bring the disobedient Academy down a peg and to show it one more time its weak position against the wheels of State.

Keywords: history of science, Academy of Sciences of the USSR, election campaign, Sovietization of science.

References

- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. (2020). “Neobkhodim arkholog ili istorik iskusstva”: D.V. Aynalov na vyborakh v AN SSSR v 1928 g. [“An archeologist or a historian of arts is needed”]: D.V. Ainalov at the election to the Academy of Sciences of the USSR in 1928], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya*, no. 5, 48–64 (in Russian).
- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. (2021). Akademicheskaya nauka i vlast' na vyborakh v AN SSSR v 1928–1929 gg. [Academical science and the authorities during the election to the Academy of Sciences of the USSR in 1928–1929], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 91 (4), 380–386 (in Russian).
- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. (2022). “Vot v kakoye vremya my zhili, i zamolchat' etot fakt ya ne mogu...”. *Sovetskaya istoricheskaya nauka i muzeynoye stroitel'stvo v 1917–1941 godakh (issledovaniya i dokumenty)* [“That was the time when we lived, and I can't conceal this fact...”. Soviet historical studies and the organization of museum affairs in 1917–1941 (research and documents)], Moskva: Indrik (in Russian).
- Anan'ich, B.V., Paneiakh, V.M., Tsamutali, A.N. (1993). Predisloviye [Preface], in *Akademicheskoye delo. 1929–1931 gg.* [Academy's Case. 1929–1931], Vyp. 1: Delo po obvineniyu akademika S.F. Platonova [The case against academician S.F. Platonov] (pp. V–LXXIV), S.-Peterburg: BAN (in Russian).
- Anfert'eva, A.N. (1995). D.V. Aynalov: zhizn', tvorchestvo, arkhiv [Ainalov: life, work, archives], in I.P. Medvedev (Ed.), *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge* [The archives of Russian Byzantine scholars in St. Petersburg] (pp. 259–312), S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).
- Basargina, E.Yu. (1999). F.I. Shmit: materialy k biografii [F.I. Schmit: biographical materials], in I.P. Medvedev (Ed.), *Rukopisnoye naslediyе russkikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga*

[Manuscript heritage of Russian Byzantine scholars in the archives of St. Petersburg] (pp. 478–496), S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Bondar', L.D., Tokarev, N.V., Shishkina, K.G. (Eds.) (2015). *Nauchno-organizatsionnyye svyazi Akademii nauk SSSR i Akademii nauk BSSR: 1929–1941 gg.: sbornik dokumentov* [Scientific-and-organizational relations between the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the BSSR], Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Brachev, V.S. (1990). Ukroshcheniye stroptivoy, ili Kak AN SSSR uchili poslushaniyu [The taming of the shrew, or How the Academy of Sciences of the USSR was trained to be obedient], *Vestnik Akademii nauk SSSR*, no. 4, 120–127 (in Russian).

Esakov, V.D. (1971). *Sovetskaya nauka v gody pervoy pyatiletki: osnovnyye napravleniya gosudarstvennogo rukovodstva naukoy* [Soviet science during the First Five-Year-Plan: main directions of state supervision on science], Moskva: Nauka (in Russian).

Esakov, V.D. (Comp.) (2000). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS. 1922–1991* [The Academy of Sciences in the Resolutions of the Political Bureau of the Central Committee of R.C.P.(B.)–A.-U.C.P.(B.)–C.P.S.U. 1922–1991], [t. 1] 1922–1952, Moskva: ROSSPEN (in Russian).

Kol'tsov, A.V. (1990). Vybory v Akademiyu nauk SSSR v 1929 g. [Election to the Academy of Sciences of the USSR in 1929], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, 53–66 (in Russian).

Lagno, A.R. (2012). *Vyacheslav Petrovich Volgin*, Moskva: MGU (in Russian).

Manuscripts Department of the National Library of Russia, f. 585 (Platonov), d. 2403, 3434.

Miatlitskaya, V.M. (Ed.) (2020). *Mitrafan Doynar-Zapol'ski (1868–1934 gg.): Asoba ŷ daku-mentakh i ŷspaminakh* [Mitrofan Dovnar-Zapolsky (1868–1934): person in documents and memoirs], Minsk: Limaryus (in Belarusian).

“Nashe (1996) polozheniye khuzhe katorzhnogo”. Pervye vybory v Akademiyu nauk SSSR [“Our situation is of gall and wormwood”. First election to the Academy of Sciences of the USSR], *Istochnik*, no. 3, 109–140 (in Russian).

Perchenok, F.F. (1991a). “Delo Akademii nauk” [“Case of the Academy of Sciences”], *Priroda*, no. 4, 96–104 (in Russian).

Perchenok, F.F. (1991b). Akademiya nauk na “velikom perelome” [Academy of Sciences at the “great turn”], in *Zven'ya: istoricheskiy al'manakh* [Links: historical anthology], vyp. 1 (pp. 163–238), Moskva: Progress, Feniks, Atheneum (in Russian).

Shikman, A.P. (2016). *Nikolay Morozov. Mistifikatsiya dlinoyu v vek* [Nikolai Morozov. Trick a century long], Moskva: Ves' Mir (in Russian).

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS), f. 1, op. 1, d. 254, 256.

SPbB ARAS, f. 1, op. 2 (1929), d. 8, 76, 77.

SPbB ARAS, f. 2, op. 1 (1930), d. 139, 159.

SPbB ARAS, f. 729, op. 2, d. 165, 166.

SPbB ARAS, f. 1026, op. 3, d. 172.

SPbB ARAS, f. 1052, op. 1, d. 35.

Ustavy (2009) Rossiyskoy akademii nauk. 1724–2009 [Charters of the Russian Academy of Sciences. 1724–2009], Moskva: Nauka (in Russian).